

БЕСПОКОЙСТВО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С этой высоты лес был как пышная пятнистая пена, как огромная, на весь мир, рыхлая губка, как животное, которое затаилось когда-то в ожидании, а потом заснуло и поросло грубым мхом. Как бесформенная маска, скрывающая лицо, которое никто еще никогда не видел.

Леонид Андреевич сбросил шлепанцы и сел, свесив босые ноги в пропасть. Ему показалось, что пятки сразу стали влажными, словно он и в самом деле погрузил их в теплый лиловатый туман, скопившийся в тени под утесом. Он достал из кармана камешки и аккуратно разложил их возле себя, а потом выбрал самый маленький и тихонько бросил его вниз, в живое и молчаливое, в спящее, в равнодушное и глотающее навсегда, и белая искра погасла, и ничего не произошло — никакие глаза не приоткрылись, чтобы взглянуть на него. Тогда он бросил второй камешек.

— Так это вы гремели сегодня у меня под окнами, — сказал Турнен.

Леонид Андреевич скосил глаз и увидел ноги Турнена в мягких сандалиях.

— Доброе утро, Тойво, — сказал он. — Да, это был я. Очень твердый камень попался. Я вас разбудил?

Турнен придвинулся к обрыву, осторожно заглянул вниз и сейчас же отступил.

— Кошмар, — сказал он. — Как вы можете так сидеть?

— Как?

— Да вот так. Здесь два километра. — Турнен присел на корточки. — Даже дух захватило, — сказал он.

Леонид Андреевич нагнулся и посмотрел через раздвинутые колени.

— Не знаю, — сказал он. — Понимаете, Тойво, я человек вообще боязливый, но вот чего не боюсь, того не боюсь... Неужели я вас разбудил? По-моему, вы уже не спали, я даже немножко надеялся, что вы выйдете...

— А босиком почему? — спросил Турнен. — Так надо?

— Иначе нельзя. Я вчера уронил туда правую туфлю и решил, что впредь всегда буду сидеть босиком. — Он снова поглядел вниз. — Вон она лежит. Сейчас я в нее камушком...

Он бросил камушек и сел по-турецки.

— Да не шевелитесь вы, ради бога, — сказал Турнен нервно. — И лучше вообще отодвиньтесь. На вас смотреть страшно.

Леонид Андреевич послушно отодвинулся.

— Ровно в семь, — сообщил он, — под утесом выступает туман. А ровно в семь часов сорок минут туман исчезает. Я заметил по часам. Интересно, правда?

— Это не туман, — сказал Турнен сквозь зубы.

— Я знаю, — сказал Леонид Андреевич. — Вы скоро уезжаете?

— Нет, — сказал Турнен сквозь зубы. — Мы уезжаем не скоро. Мы уезжаем через два дня. Через — два — дня... — сказал он с расстановкой. — Повторить?

— Сегодня я спросил вас в первый раз, — кратко сказал Леонид Андреевич.

— И больше не спрашивайте, — сказал Турнен. — Хотя бы сегодня.

— Не буду, — сказал Леонид Андреевич.

Турнен посмотрел на него.

— Я надеюсь, вы не обиделись?

— Ну что вы, Тойво...

— А вы тоже не любите охоту?

— Терпеть я ее не могу.

Турнен опустил глаза.

— Что бы вы делали на моем месте? — спросил он.

— На вашем месте? Ну что бы я делал... Ходил бы за женой по лесу и носил бы ее... этот... ружье... и разные огнеприпасы.

— А вам не кажется, что это было бы глупо?

— Зато спокойно. Мне нравится, когда спокойно.

Турнен поджал губы и покачал головой.

— Она не выносит, когда я таскаюсь следом. Она раздражается, нервничает, все время промахивается. И егеря злятся... Так что я предпочитаю оставаться. В конце концов, можно представить себе, что это даже полезно... Здоровое волнение, этакое взбадривание...

— Действительно, — сказал Леонид Андреевич, — как это мне сразу не пришло в голову? Все эти наши страхи — просто нормальная функция застоявшегося воображения... Ведь что такое этот лес? А?

— Да, — сказал Турнен. — Что он, собственно, такое?

— Ну, тахорги... Ну, туман, который, правда, не туман... Смешно!

— Какие-то там блуждающие болота, — проговорил Турнен, усмехаясь.

— Насекомые! — сказал Леонид Андреевич и поднял палец. — Вот насекомые — это действительно неприятно.

— Ну, разве что насекомые...

— Да. Так что, я думаю, мы совершенно напрасно беспокоимся.

— Слушайте, Горбовский, — сказал Турнен, — почему-то, когда я разговариваю с вами, мне всегда кажется, что вы надо мною издеваетесь.

Леонид Андреевич поднял брови.

— Странно, — сказал он. — Честное слово, я действительно думаю, что мы с вами напрасно беспокоимся.

Они помолчали.

— Я беспокоюсь о своей жене, — сказал Турнен. — А вот о чем беспокоитесь вы, Горбовский?

— Я? Кто вам сказал, что я беспокоюсь?

— Вы все время говорите «мы с вами»...

— А-а... Ну, это просто... Вы только не подумайте, что я тоже беспокоюсь за вашу жену. Если бы вы видели, как она на двести шагов...

— Я видел, — сказал Турнен.

— И я тоже видел. Поэтому я нисколько за нее не беспокоюсь.

Он замолчал. Турнен подождал немного и спросил:

— Все?

— Что — все?

— Больше вы ничего мне не скажете?

— Н-ничего.

— Тогда пойдемте завтракать, — сказал Турнен, поднимаясь.

Леонид Андреевич тоже поднялся и запрыгал на одной ноге, натягивая шлепанец.

— Ох, — сказал Турнен. — Да отойдите же вы от края!

— Уже все, — сказал Леонид Андреевич, приотпывая. — Сейчас отойду.

Он последний раз посмотрел на лес, на плоские пористые пласты его у самого горизонта, на его застывшее грозное кипение, на липкую паутину тумана в тени утеса.

— Хотите бросить камушек? — сказал он, не оборачиваясь.

— Что?

— Бросьте туда камушек.

— Зачем?

— Я хочу посмотреть.

Турнен открыл рот, но ничего не сказал. Он подобрал камень и, размахнувшись, швырнул его в пропасть. Потом он поглядел на Горбовского.

— Я еще мог бы напомнить вам, — сказал Леонид Андреевич, — что с нею Вадим Сартаков, а это самый опытный егерь на базе.

Турнен все смотрел на него.

- А ишейку настраивал сам Поль, а это значит...
- Все это я помню, — сказал Турнен. — Я спрашивал вас совсем не об этом.
- Правда? — сказал Горбовский. — Значит, я вас неправильно понял.

Алик Кутнов пил томатный сок, держа стакан двумя толстыми красными пальцами. На месте Риты почему-то расположился тот молодой человек с громким голосом, что прибыл вчера на спортивном корабле, и Турнен сидел, нахохлившись, не поднимая глаз от своей тарелки, и резал на тарелке кусочек сухого хлеба — пополам и еще раз пополам, и еще раз пополам...

— Или, например, Ларни, — сказал Алик, взбалтывая в стакане остатки сока. — Он видел треугольный пруд, в котором купались русалки.

— Русалки! — сказал новичок с восторгом. — Превосходно!

— Да-да, самые обыкновенные русалки. Вы не смейтесь, Марио. Я же вам говорю, что наш лес немножечко не похож на ваши сады. Русалки были зеленые и необычайно красивые, они плескались в воде... Только у Ларни не было времени ими заниматься, у него истекал срок биоблокады, но он говорит, что запомнил их смех на всю жизнь. Он говорит, что это было как громкий комариный звон.

— А может быть, это и был комариный звон? — предположил Марио.

— У нас все может быть, — сказал Алик.

— И может быть, биоблокада к тому времени у него уже ослабела?

— Может быть, — охотно согласился Алик. — Он вернулся совсем больной. Но вот, скажем, скачущие деревья я видел сам и неоднократно. Это выглядит так. Огромное дерево срывается с места и перепрыгивает шагов на двадцать.

— И не падает при этом?

— Один раз упало, но сейчас же поднялось, — сказал Алик.

— Великолепно! Вы просто прелесть! Ну а зачем же они скачут?

— Этого, к сожалению, никто не знает. О деревьях в нашем лесу вообще мало что известно. Одни деревья скачут, другие деревья плюют в прохожего едким соком пополам с семенами, третьи еще что-нибудь... Вот в километре от Базы есть, например, такое дерево. Я, например, остаюсь возле него, а вы отправляетесь точно на восток и в трех километрах трехстах семидесяти двух метрах находите второе такое же дерево. И вот когда я режу ножом свое дерево, ваше дерево вздрагивает и начинает топорщиться. Вот так. — Алик показал руками, как топорщится дерево.

— Понимаю! — воскликнул Марио. — Они растут из одного корня.

— Нет, — сказал Алик, — просто они чувствуют друг друга на расстоянии. Фитотелепатия. Слышали?

— А как же, — сказал Марио.

— Да, — сказал Алик лениво, — кто об этом не слышал... Но вот чего вы, наверное, не слышали, так это что в лесу есть еще люди, кроме нас. Их видел Курода. Он искал Сидорова и видел, как они прошли в тумане. Маленькие и чешуйчатые, как ящеры.

— У него тоже кончалась биоблокада?

— Нет, просто он любит приврать. Не то что я, скажем, или вы. Правда, Тойво?

— Нет, — сказал Турнен, не поднимая глаз. — Вранья вообще не бывает. Все, что выдуманно, — возможно.

— В том числе и русалки? — спросил Марио. Видимо, он подумал, что его мрачный сосед тоже наконец решил пошутить.

Турнен посмотрел на него. По лицу его было видно, что шутить он не собирается.

— Я их вижу, — сказал он. — И треугольный пруд. И туман, и зеленую луну. Все это я вижу так отчетливо, что могу описать во всех подробностях. Для меня это и есть критерий реальности, и он не хуже любого другого.

Марио неуверенно улыбнулся. Он все еще надеялся, что Турнен шутит.

— Превосходная мысль, — сказал он. — Отныне нам не нужны лаборатории. Субэлектронные структуры? Я вижу их. Могу описать, если хотите. Они так и переливаются. И треугольно-зеленые.

— Мне лаборатории не нужны уже давно, — произнес Турнен. — Они, по-моему, вообще никому не нужны. Вряд ли они помогут вам представить субэлектронные структуры.

Лицо Марио утратило готовность к веселью. Обнаружилось, что глаза у него совсем не детские.

— Я — физик, — сказал он. — Я легко представляю себе субэлектронные структуры без фигур и цветов.

— И что же дальше? — сказал Турнен. — Ведь я тоже могу представить себе эти структуры. И еще

многое такое, для чего вы пока не придумали закорючек, значков и греческих букв.

— Ваши представления, может быть, и годятся для вашего личного употребления, но беда в том, что на них далеко не уедешь.

— На представлениях давно уже никто не ездит. Не вижу, чем мои представления хуже ваших.

— На представлениях физики вы приехали сюда и уедете отсюда, а ваши представления годятся только для застольных парадоксов.

— Я мог бы вам напомнить, что идея деритритинитации возникла тоже из застольного парадокса. Да и все идеи возникли из застольных парадоксов. Все фундаментальные идеи выдумываются, и вы это прекрасно знаете. Они не висят на концах логических цепочек. Но дело ведь даже не в этом. Что дальше? Ну не смог бы я прилететь сюда. И что? Ведь я не увидел здесь ничего такого, чего не мог бы представить себе, сидя дома.

Леонид Андреевич не стал слушать, что там отвечает физик. Он посмотрел на Алика. Инженер-водитель тосковал. Просто встать и уйти ему, наверное, было неловко, наверное, он боялся, что это будет выглядеть демонстративно. Спор же ему был до одурения скучен. Сначала он порывался встрянуть и направить беседу в другое русло и даже сказал: «Между прочим, в прошлом году...» Потом съел кусочек маринованной миноги. Потом сотворил из салфетки кораблик. Потом с надеждой взглянул на часы, но нужное ему время еще, по-видимому, не пришло. И не то чтобы спор ему был непонятен, он слышал тысячи таких споров — и когда сидел, обливаясь потом, за рулем вездехо-